

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Призвание

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Призвание

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619415*

Аннотация

«... В комнату вошел один из рецензентов.

Он опрокинул попавшееся на его пути кресло, вежливо поклонился портрету Толстого и, обратившись к печке, спросил ее:

– Вы, кажется, заведуете теперь театром? Куда я сегодня должен пойти? ...»

Содержание

I	4
II	7
III	10
IV	13

Аркадий Аверченко

Призвание

I

Угадать призвание в человеке, направить его на настоящий путь – что может быть прекраснее этого?

Издатель газеты «Суета сует» критически оглядел мою фигуру и сказал:

– Гм... Что же вы можете у нас делать?.. Гм... Василий Васильевич очень просил за вас, а мне хотелось бы сделать ему приятное. Знаете что? Поступайте к нам на вырезки.

– На вырезки так на вырезки, – равнодушно согласился я. – На какие вырезки?

– Это очень несложное дело. Вы берете пачку только что полученных чужих газет и начинаете проглядывать их, вырезывая ножницами самое интересное и сенсационное. Потом наклеиваете эти вырезки на бумагу и, сопроводив их соответствующими примечаниями, отправляете в типографию. Справитесь с этим?

– Всякий дурак справился бы с этим.

– Ну а вы?

– Тем более я справлюсь, – скромно подтвердил я.

– Ну, с богом.

Я сел на указанное мне место и прилежно занялся своим новым делом. Я читал газеты, резал их ножницами, мазал клеем, наклеивал, приписывал и, хотя устал как собака, но зато с честью выполнил свою задачу.

На другой день утром редактор подошел ко мне и решительно сказал:

– Не делайте больше вырезок!

– Почему?

– Потому что у вас получается черт знает что.

– Рассказывайте! – недоверчиво возразил я. – Приснилось это вам, что ли?

– Нет, не приснилось... Ну посмотрите, что вы навыврезывали! Ну прочтите сами, своими глазами, что напечатано в нашей газете благодаря вам! Можно это допустить?

Я пожал плечами и, развернув газету, просмотрел свою вчерашнюю работу.

«Обзор печати. Газета «Тамбовский голос» сообщает очень интересное сведение: вице-губернатор Мохначев выехал в Петербург. К сожалению, причина выезда этого администратора не указана...

В «Калужских ведомостях» читаем: «Вчера его пр-во господин губернатор присутствовал на панихиде по усопшем правителе канцелярии. Вечером его пр-во отбыл в имение».

Небезынтересное для наших читателей сведение сообщает «Акмолинское эхо»: Акмолинский архиерей собирается в поездку по епархии. Степной генерал-губернатор вчера, по

недосугу, обычного приема у себя не делал. Городской голова возвращается 15-го.

«Минскому листку» удалось узнать, что вчера предводитель дворянства праздновал обручение своей дочери с полковником Дзедушецким. Его сиятельство собирается за границу».

Я внимательно прочел все до конца и спросил редактора:

– А разве плохо?

– Не плохо, а бессмысленно. Кому интересны ваши поездки вице-губернаторов, семейные радости предводителей дворянства и экскурсии архиереев? Неужели кому-нибудь из нас интересно, что акмолинской городской голова вернется 15-го. Начхать нам на него!

– Ну вы поосторожнее... Ведь он все-таки начальство.

– Вы не годитесь для вырезок, – категорически заявил редактор. – Вы слишком раболепны.

– Ну, попробуем что-нибудь другое, – равнодушно согласился я. – В самом деле, вырезки мне не по душе. Дайте мне что-нибудь повыше.

Редактор задумался.

– У нас как раз нет заведующего театром. Хотите попробовать? Вы понимаете что-нибудь в театре?

– Что ж тут понимать? Тут и понимать-то нечего.

– Ну, попробуем вас. Займитесь пока назначением рецензентов в театры на сегодня – кому куда идти. А потом составьте хронику. Ну, с богом.

II

Оставшись один, я первым делом ознакомился с отделом зрелищ и, после краткого раздумья, решил остановиться на самом интересном:

- 1) опера;
- 2) симфонический концерт;
- 3) борьба.

Когда я разобрал редакционные билеты, ко мне постучались.

– Войдите!

В комнату вошел один из рецензентов.

Он опрокинул попавшееся на его пути кресло, вежливо поклонился портрету Толстого и, обратившись к печке, спросил ее:

– Вы, кажется, заведуете теперь театром? Куда я сегодня должен пойти?

Сразу же я выяснил, что в словах рецензента не было никакой иронии. Просто он был преотчаянно близорук, почти слеп. Когда я окликнул его, он обернулся, наткнулся на другое кресло и, добродушно извинившись, пожал ручку этого кресла.

– Куда мне этого калеку? – пробормотал я. – Хорошие сотрудники, нечего сказать. Ну как я пошлю его куда-нибудь в ответственное место?..

Я выбрал билет похуже и сказал:

– Эй, вы! Вот вам, нате билет на сегодня. Дайте отчет. Да только, смотрите, хорошо!

Он взял билет и побрел обратно, натыкаясь на все стулья и путаясь ногами в ковре.

Потом зашел другой рецензент и тоже осведомился насчет вечера.

– Надеюсь, у вас зрение в порядке? – спросил я.

– Что?

– Видите-то вы хорошо?

– Что?!

Я открыл рот и заревел во все горло:

– Я говорю – глаза хорошие?!

Он прислушался к моему голосу и нерешительно отвечал:

– Да уж, если этот дождик зарядит, так держись.

– Какой же вы рецензент, – спросил я, – если вы глухи, как бревно? Зачем вы лезете в это дело, черти вас побери?!

– Были у меня калоши, – печально отвечал рецензент, – да их украл кто-то.

– В оперу я тебя не пошлю, – сказал я вслух, разглядывая его. – Это слишком серьезное дело. Возьми-ка, братец, этот билетик. Это не так опасно...

Он ушел с самым бессмысленным выражением лица, а я позвал третьего рецензента и спросил его:

– Глаза хорошие?

– Прекрасные.

– А уши?

– Помилуйте! Я могу расслышать топот лошади за три версты.

«Вот это настоящий!» – подумал я, удовлетворенный.

– Вот что, голубчик... Берите этот билет и отправляйтесь в театр. Я вам поберег самый лучший.

Он взглянул на билет и нерешительно сказал:

– Должен вам заметить...

– Вы? Мне? Заметить? Этого только недоставало! Кто здесь заведующий? Вы или я? Это я могу вам заметить, а не вы мне. Ступайте!

III

После окончания театров, около двенадцати часов ночи, моя команда съехалась, и через час я имел уже в своих руках три добросовестные талантливые рецензии. Оригинальность замысла сквозила в каждой из них и придавала всем трем ту своеобразную прелесть, которой не найдешь и днем с огнем в других шаблонных измышлениях рецензентов. Рецензии были таковы:

«Французская борьба... Сегодняшняя борьба проходила под аккомпанемент духового оркестра, который, к сожалению, нас совсем не удовлетворил. Ремесленность исполнения, отсутствие властности и такта в дирижерской палочке, некоторая сбивчивость деревянных инструментов в групповых местах и упорное преобладание меди – все это показывало абсолютное неумение дирижера справиться со своей задачей... Отсутствие воздушности, неумелая нюансировка, ломанность общей линии, прерываемой нелогичными по смыслу пьесы барабанными ударами, – это не называется серьезным отношением к музыке! Убожество репертуара сквозило в каждой исполняемой вещи... Где прекрасные шумановские откровения, где Григ, где хотя бы наш Чайковский? Разве это можно назвать репертуаром: «Китайка» сменяется «Ой-рой», а «Ой-ра» – «Хиоватой» – и так три эти вещи до

бесконечности. И еще говорят, что серьезная музыка завоевывает себе прочное положение... Ха-ха!»

«Симфонический концерт. Прекрасное помещение, в котором давался отчетный концерт, вполне удовлетворило нас. На эстраде сидела целая уйма музыкантов – я насчитал шестьдесят пять человек. Впрочем, по порядку. Ровно в девять часов вечера на эстраду вышел какой-то человек, раскланялся с публикой и, схватив палочку, стал ею размахивать. Сначала он делал это лениво, еле заметно, а потом разошелся, и палочка сверкала в его руке как бешеная. Он изгибался, вертел во все стороны свободной рукой, вертел палочкой, мотал головой и даже приплясывал. Потом, очевидно, утомился... Палочка снова лениво заколебалась, изогнутая спина выпрямилась, руки поднялись кверху – и он, усталый, положил палочку на пюпитр. Музыканты тогда занялись каждый по своему вкусу: кто натирал канифолью смычок, кто выливал из трубы слюну. Передохнув, снова принялись за прежнее. Начальник размахивал палочкой и плавно, и бешено, и еле заметно, а все не сводили с него глаз, следя внимательно за его движениями. Через некоторое время симфонический концерт был таким путем закончен, и поднялась невообразимая толкотня публики...»

«Опера. Хорошая погода собрала массу спортсменов. Большое число записавшихся певцов делало невозможным угадывание фаворита, и первый заезд или, как здесь гово-

рят, – акт, – поэтому прошел особенно оживленно. Состязались в первом заезде князь Игорь (камзол красный, рукава синие), княгиня Ярославна (камзол серебристый, рукава белые) и Владимир Галицкий (голубое с черным). Первой весьма заметно стала выдвигаться в дуэтах с Игорем Ярославна, но на прямой Игорь вырвался, стал ее догонять, и к концу дуэта оба пришли голова в голову. Приятное впечатление произвело появление настоящей лошади (гнедая кобыла зав. Битягина, от Васьки и Снежинки, как нам удалось узнать за кулисами, на паддоке). Скакал на ней Игорь (камзол красный, рукава синие)...

IV

На другое утро, когда эти оригинальные, бойкие рецензии появились в свет, редактор подошел ко мне и сказал:

– Можете больше театром не заведывать.

– Неужели нехорошо?..

– Нехорошо?! Вас убить мало за такое распределение рецензентов. Вы послали симфонического рецензента на борьбу! Полуслепой человек, вместо музыки, должен был писать черт знает о чем!! Вы могли на борьбу послать глухого, потому что в борьбе важен не слух, а зрение... Нет! Вам понадобилось погнать его на симфонию, которую он так же слышал, как тот видел борьбу. Спортивного обозревателя вы погнали в оперу, которую он понимает не лучше конюшенного мальчика!! Ну чего же вы молчите?

– Да как же я мог знать, кто из них куда годен!!

– Вы не знали? А я вот знаю, куда и на что вы годны!! О, я это теперь хорошо знаю!!

– Куда? – с любопытством спросил я.

– Идите в редакционные сторожа!! Вы подобоострастны, тупы и исполнительны!! Подавайте сотрудникам чай и подметайте по утрам комнаты!!

– Ну хорошо, – согласился я.

Теперь иногда, внося редактору чай на подносе, я с ува-

жением гляжу на этого проницательного человека, вспоминаю свои неудачные шаги в оценке театральных рецензентов и думаю:

«Угадать призвание в человеке, направить его на настоящий путь, – что может быть прекраснее этого?..»